

Слуги вечности — братья на миг

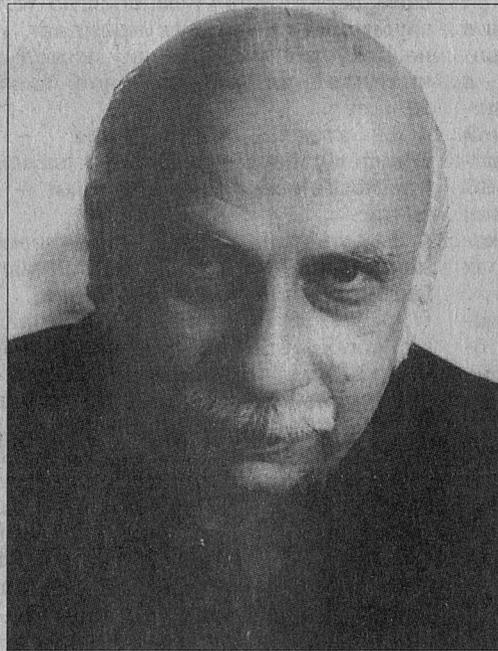
Российский телеграф. — 1998. — 3 июня. — с. 10
Гия Канчели в исполнении Владимира Спивакова

Привычный облик искусства «Виртуозов Москвы» давно известен и его поклонникам, и равнодушным ценителям. Складывался он всегда из двух основных компонентов. Один — музыкальный. Сюда входят традиции хорошей школы и добротная скрипичная выученность самого маэстро Спивакова, гибкий, рафинированный звук оркестра — со времен Баршая никому не удавалось играть так породисто и грамотно. Второй компонент — шоу. Это не только разодетая публика в партере, числящая поход на «Виртуозов Москвы» где-то между тренажерным залом и рестораном, но и сама программа, всегда выстроенная в сочетании вечной классики, парящей в поднебесье, и бисов, тоже классических, но уже в жанре «классики шутят». Как слова «Бах» и «Моцарт» неизменно служили Спивакову сигналами для возвышенного закатывания глаз, так и закатывание глаз столь же точно сигнализировало обладателям причесок и сотовых телефонов, что их приобщение к прекрасному состоялось.

На днях «Виртуозы Москвы» сыграли в Большом зале консерватории два концерта — как будто в лучших традициях. Однако, побывав на втором из них, я не нашел, что оба вышеназванных компонента доложили себя в традиционном виде. Одному можно

было радоваться: Кобзон не подносил цветов, группы «На-на» в полном составе я не увидел (возможно, был невнимателен), градус светских настроений был ниже, а атмосфера больше напоминала обычный концерт. С другой стороны, не услышал я и тех «Виртуозов Москвы», ради которых порой готов был терпеть и весь шоу-гарнир, и общую бессмысленность играемого.

Последние годы оркестр «Виртуозы Москвы» был испанским; теперь испанская эпопея закончилась, а состав сильно изменился: прежним зубрам струнного мастерства перспектива возвращения в родные края не улыбнулась. И хотя на их место пришла отнюдь не зеленая молодежь (в рядах новых «Виртуозов» я заметил опытных музыкантов из плетневского и светлановского оркестров), пленительный звук исчез, стройность баланса разрушилась и отсутствующие дирижерские концепции Спивакова прикрыть оказалось нечем: так играть Баха, Моцарта и Гайдна мог бы какой-нибудь оркестр Орбеляна, если бы хорошо позанимался перед

Гия Канчели

выступлением. Утешением служили дети — питомцы благотворительного фонда Спивакова: мальчик на скрипке, девочка на флейте, мальчик на фортепиано (хочу его назвать — Александр Романовский, прелестно сыгравший 23-й концерт Моцарта).

Не скрою, что пришел я на концерт ради того, чтобы услышать сочинение Ги Канчели — уважаемого мною композитора,

работающего последние годы в Европе под маркой автора неизменно печальной и тихой музыки, обращенной к вечности. Его небольшая композиция «V & V» — одна из лучших в ряду подобных сочинений: название означает «violin & voice», то есть скрипка и голос, с магнитофонной пленки поющий скупую и жалобную народную монодию; ткань разрежена, как остатки памяти; скрипка в немногословных звуковых последованиях пытается вспомнить, поймать интонации монодии; оркестр играет словно не цельный текст, а полустертые надписи на камне.

Я не знаю, остался ли автор доволен исполнением (ему есть с чем сравнить — до Спивакова «V & V» играл Гидон Кремер), но мне показалось, что и «Виртуозы», и публика проявили себя с лучшей стороны. Канчели как серьезный композитор московской публике известен — но, конечно, не публике Спивакова. Пару лет назад его много играли на большом фестивале вместе с Губайдулиной и Сильвестровым, в январе был авторский концерт камерной музыки. И все же на эти концерты

ходила лишь избранная публика; аудитория Спивакова знала Канчели лишь как славного в прошлом творца любимых киномелодий — если только помнила имя их автора.

Не секрет, что каждый исполнитель, пыгающийся засовывать современные сочинения в обычные классические программы, платит за своей благой порыв пустыми местами в зале или вежливыми жидкими хлопками. В случае с Канчели у Спивакова получилось едва ли не наоборот: композитор, бывший в Москве проездом на «Кинотавр» (где будет членом жюри), выходил на поклон и имел большой успех.

Вероятно, марка модного и духовного европейского композитора Канчели пригодились Спивакову — в коллекции рассуждений о Сахарове, буддизме и одаренных детях она смотрится впечатляюще и престижно. Но стоит запомнить те минуты подлинного взаимопонимания между сценой и залом, что длилось исполнение «V & V». И неизвестно, возникнут ли такие мгновения вновь, если все придет в порядок: шоу-персонажи с букетами цветов займут положенные места в партере, а «Виртуозы Москвы» станут играть Баха, Моцарта и Гайдна так же хорошо, как сыграли Канчели.

ПЕТР ПОСПЕЛОВ